в образе Вёлунда не изолирован, он включен в индоевропейскую перспективу, где фигурируют изоморфные по своей сути персонажи, обозначаемые и.-е. *u̯el-, *u̯ol-.

Образ Вёлунда представляет исключительный интерес на германской почве, поскольку он позволяет реконструировать утраченные архетипы, восстановить разорванную связь между некоторыми мифологическими и героическими персонажами и мотивировать ее. Специального рассмотрения заслуживает предположение о связи Вёлунда с Одином, с одной стороны, и Сигурдом,— с другой. Такое сопоставление целесообразно хотя бы потому, что речь идет о персонажах, занимающих в высшую ступень соответствующей иерархии: Один — «самый знатный и старший из богов» [12], ср. его имя Al-fǫðr 'всеотец'), Вёлунд — лучший кузнец (...Welandes ... þe wæs geo mærost «...Вёлунда ... который был самым знаменитым», Aelfredes Metra, X, 33), Сигурд — наиболее прославленный герой (ср. постоянный рефрен в «Саге о Вёльсунгах», Vǫlsunga saga (Vls.), о том, что Сигурд «величайший муж в мире»). В пользу сравнения избранных персонажей свидетельствует также тесное переплетение, иногда сплавление элементов сказаний, в которых они выступают в качестве действующих лиц. Неоднократно отмечались, в частности, многочисленные совпадения и параллели в сюжетах о Сигурде и Вёлунде: обучение кузнечному ремеслу у Мимира (согласно источникам именно у него они и встретились), испытание нового изделия — меча, режущего клочья шерсти, троекратное изготовление щита, морское путешествие Вёлунда на бревне со стеклянными оконцами, напоминающее пребывание младенца Сигурда в стеклянном сосуде, «волчьи» коннотации у Вёлунда и рыскание в волчьей шкуре Сигмунда, отца Сигурда. Исполнителями и слушателями этих сказаний явно осознавалась их близость, обусловившая в отдельных эпизодах их полное взаимопроникновение и замещение: например, в произведении Розенгартена «О юности Сигфрида» (1509) герою приписывается владение мечом Meming, представляющим собой искаженный вариант Miming'а (атрибут Вёлунда), причем не исключена связь между его создателем Eckenbrecht'ом и учеником Мимира Eckehard'ом. На основании этих фактов можно сделать заключение о неслучайности сюжетных конвергенций.

Связь между крайними членами триады — Одином и Сигурдом — не нуждается в подробных комментариях, так как Сигурд — типичный «одинический» герой. Кроме того, его род, по преданию, восходит к Одину, который не покидает своего избранника в тяжелейшие минуты его жизни. Как повествует Vls., он неоднократно вмешивается в судьбу Сигурда, укрощает бурю и помогает переправиться через море, учит, как убить Фафнира, дарит меч.

Помимо сюжетных схождений основанием для сравнения Одина, Вёлунда и Сигурда служат языковые данные, поскольку все три имени — Val-fǫðr 'Отец павших' (хейти Одина), Vǫlundr и Vǫlsungr (патроним Сигурда) возводятся к одному и тому же корню — *u̯el-, *u̯ol-. Формальное тождество, идентичность имен в рамках мифопоэтической модели мира недвусмысленно указывает на сходство и в плане содержания, стимулирует поиски общих компонентов в структуре персонажей, поскольку nom. pr. выполняет креативную функцию и конституирует личность как таковую.

Ниже приводятся мотивы, характеризующие Вёлунда и актуальные также по отношению к Одину и Сигурду.

1. Плодородие.— Одину приносится жертва «ради урожая» (til gróðrar, Hkr. I, 20). К этой же теме отсылают его имена с «растительной» семантикой — þrór — þróask 'процветать', þundr < *tn̥-tu- <*ten- 'сгущаться, набухать' с очевидными вегетативными экспликациями. Повествование о сожжении шведского конунга по имени Olaf trételgja и его пожертвовании Одину, чтобы получить богатый урожай (Hkr. I, 76), а также